

Интервью с профессором Ульрихом Тайхлером

Профессор Тайхлер, в своем выступлении на Конференции исследователей высшего образования Вы говорили о «побочных эффектах», неизбежно возникающих, если какая-то одна проблема оказывается в центре внимания. Каковы могут быть последствия пристального внимания к рейтингам?

В каждый исторический момент мы склонны рассматривать высшее образование с точки зрения определенных приоритетов. В какой-то период мы говорим преимущественно о финансировании, потом нас всецело захватывают рейтинги, а затем интерес смещается к участию студентов. На политической арене высшего образования несколько вопросов попадают в центр внимания, а другие остаются на заднем плане. Но система будет работать лишь в том случае, если мы, отдавая приоритет трем-четырем проблемам, не будем игнорировать двадцать других.

Стратегические решения и кардинальные изменения происходят главным образом в тех областях, которые находятся в центре внимания. Однако проблемы и необходимость изменений могут существовать и в других сферах. А изменения в той области, которая находится в центре внимания, оказывают желаемое или нежелательное влияние на другие сектора системы образования. Например, увеличение финансирования для одних учреждений может происходить за счет сокращения ассигнований на другие. Изменения касаются всех взаимозависимых областей, тогда как авторы изменений и эксперты обращают внимание лишь на причины и результаты в одной или двух областях.

Несколько лет назад Немецкое научно-исследовательское общество приняло меры к увеличению финансирования исследовательских университетов и нескольких вузов, занимающих высшие позиции в рейтингах. Цель состояла в том, чтобы поддержать высококачественные исследования, сконцентрировать их в рамках ограниченного числа лучших университетов и тем самым способствовать их международному признанию. Последствия таких мер невозможно правильно оценить, если рассматривать только их соответствие заявленной цели. Сильная поддержка исследова-

тельской составляющей может негативно сказаться на взаимосвязи исследования и преподавания. Стимулирование конкуренции в исследованиях может пойти на пользу тем, кто в них преуспел, и в то же время демотивировать многих других ученых. Некоторые университеты могут быть настолько заинтересованы в сотрудничестве с иностранными вузами, занимающими сходные позиции в рейтингах, что забывают о выгодах взаимодействия с учреждениями, разрабатывающими близкие научные темы.

Итак, очень часто меры по улучшению высшего образования оказываются успешными в достижении заявленных целей, но дают обратный эффект в других областях. Если выделяются дополнительные средства на развитие международных отделов университетов, то можно с уверенностью утверждать, что эти отделы увеличат свой штат и профессиональный уровень их специалистов вырастет. А вот последствия данных мер для повышения мобильности студентов и сотрудников гораздо менее очевидны. Уделяя больше внимания иностранным студентам, университеты могут сократить перечень возможностей для всех остальных учащихся. Наша обязанность как исследователей высшего образования как раз и заключается в том, чтобы анализировать последствия принимаемых мер за пределами желаемых результатов.

Какова вероятность того, что тема рейтингов сохранит свою актуальность в ближайшие годы?

Мне приходилось наблюдать за развитием высшего образования и близких к нему областей в течение нескольких десятилетий. Одна и та же тема или тенденция остается в центре внимания лет пять или чуть более, после чего отходит на второй план. Мне ни разу не приходилось видеть, чтобы одна и та же тенденция продолжалась десять или двадцать лет. Например, на протяжении десятилетия может господствовать убеждение, что участие студентов и младшего преподавательского состава в принятии решений способствует более эффективному управлению вузами. А в следующие десять лет будет принято верить в необходимость сильного руководства. Сторонники рейтингов университетов утверждают, что рейтинги будут актуальны всегда. Я хочу им возразить: рейтинги, возможно, и останутся навсегда, но их место среди политических приоритетов может полностью измениться.

Основываясь на собственном опыте, в чем Вы видите возможность максимально избежать негативных последствий пристального внимания к одной теме?

Невозможно начать процесс реформирования в высшем образовании, а затем ждать много лет, чтобы оценить, как реализуются реформы, как меняется система, какими оказались резуль-

таты, и только после этого искать возможности для оптимизации реформ и устранения негативных побочных эффектов. Необходимо попытаться предсказать весь спектр возможных последствий уже на стадии разработки реформ. Несколько лет назад в Германии «Инициатива превосходства» должна была выбрать десять лучших университетов. Победители получали по пять миллионов евро в течение пяти лет в рамках программы «Концепт будущего»: эти деньги предназначались для развития исследований, что должно было повысить рейтинги этих университетов. В то утро, когда должны были стать известны результаты, мне позвонили из информационного агентства и сказали, что хотят напечатать мой комментарий. Я спросил: «Вы предполагаете, что я знаю, кто станет победителями?». Они ответили, что вовсе не предполагают, что мне известны победители, однако считают, что я мог бы дать интересный комментарий накануне объявления победителей. Я был очень рад такому ответу. Тогда я сказал, что немецкие исследовательские университеты пользуются хорошей репутацией на международном уровне, а по результатам сравнительных исследований студентов программы «Эразмус» уровень преподавания и атмосферы обучения в целом в университетах Германии не выше среднего. Я также добавил, что Комиссия по оценке качества рассматривает лишь качество наиболее масштабных исследований, тогда как университеты могут испытывать трудности в финансировании более скромных исследовательских проектов, также представляющих ценность и для экономики, и для общества, и для разработки учебных программ.

На следующий день я с удовольствием читал газеты. В них был напечатан длинный список университетов-победителей. И в каждой газете я видел небольшую дополнительную заметку, которая гласила: «Исследователь высшего образования профессор Ульрих Тайхлер утверждает, что следующей кампанией должна стать инициатива по улучшению качества преподавания; кроме того, не следует забывать о необходимости разнообразия в высшем образовании». Вскоре после этого немецкий фонд, финансирующий высшее образование из средств работодателей, объявил о начале двух программ: по поддержке средних и малых университетов и выплате премий за качество преподавания. На встрече с главой этого фонда я позволил себе ироничное замечание, и мой собеседник сказал: «Кто угодно может шутить по поводу новых инициатив, но не Вы, мистер Тайхлер, поскольку наше решение о финансировании этих программ было продиктовано Вашими замечаниями».

Когда начинается та или иная политическая кампания с четко определенной и достаточно узкой целью, мы, исследователи высшего образования, конечно, не располагаем данными о ее значимых результатах или побочных эффектах, но можем спрогнозировать возможные последствия, исходя из своего опыта

и знания системы. И, обсуждая их как с теми, кто принимает решения, так и с практиками в сфере образования, мы можем убедить их на раннем этапе выбрать стратегию с учетом всех взаимозависимых аспектов сложной системы высшего образования.

Могли бы Вы привести примеры громких кампаний, результаты которых не всегда соответствовали заявленным целям?

Интересным примером может послужить Болонский процесс. Целью введения единой общеевропейской системы программ бакалавриата и магистратуры было провозглашено усиление международной мобильности студентов. В результате значительно выросла доля студентов, приезжающих учиться в Европу с других континентов, тогда как мобильность студентов внутри Европы увеличилась незначительно. В самом начале этой реформы я говорил, во-первых, что Болонский процесс на самом деле не отвечал целям повышения внутриевропейской мобильности студентов, тогда как магистерские программы в Европе наверняка станут привлекательными для студентов за пределами Европы. Во-вторых, я утверждал, что никто не станет предпринимать такую широкомасштабную реформу учебных программ только ради того, чтобы повысить мобильность студентов. Это была лишь номинальная цель проекта. В реальности смысл Болонской реформы невозможно понять, не рассматривая возможные последствия расширения системы высшего образования для трудоустройства и работы выпускников. Уже в 2000 году численность выпускников вузов в среднем по Европе на 20% превышала количество имеющихся вакансий для специалистов с высшим образованием, и были основания ожидать возрастания этого показателя еще в 2 раза. Эксперты понимали, что количество рабочих мест для квалифицированных сотрудников не увеличивается с такой скоростью, с которой растет число выпускников. В русле общепринятой политики было принято решение не сокращать набор в учебные заведения, а переориентировать вузы на повышение профессиональных компетенций специалистов среднего звена. Однако для этой цели не требовалось обучение в течение пяти лет, поэтому нужно было изменить учебные программы. Четырехгодичная программа бакалавриата для основной массы студентов выглядела наиболее рациональным решением.

Исследователи высшего образования должны учитывать, что могут быть цели, которые не были открыто заявлены, а спектр воздействия реформ может быть значительно шире, чем предполагали их инициаторы. Только анализируя сочетание заявленных целей и весь спектр возможных — желаемых и нежелательных — последствий, можно действительно способствовать совершенствованию системы высшего образования.

Интервью подготовила К. Багдасарова